

УДК 347.922(476):340.1

ОСНОВАНИЯ К ОТКАЗУ В ВОЗБУЖДЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА: ТРЕБУЮТСЯ ИЗМЕНЕНИЯ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется ряд оснований к отказу в возбуждении гражданского дела, в частности те из них, которые имеют отношение к случаям обращения в суд прокурора, неуполномоченных представителей, недееспособных лиц и др. Предложено ограничить право прокурора на обращение в суд в целях защиты чужих интересов, освободить процессуальных истцов от необходимости соблюдения досудебного порядка разрешения дел, уточнить некоторые существующие и ввести новые основания для отказа в возбуждении дела (прекращения производства по делу). Указаны и иные предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства и практики его применения, сопровождающиеся конкретными редакциями новых (измененных) норм.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; возбуждение гражданского дела; основание к отказу в возбуждении гражданского дела.

GROUND FOR REFUSAL TO INITIATE CIVIL CASE: CHANGES ARE NEEDED

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The paper analyzes in detail a number of grounds for refusal to initiate civil proceedings, in particular, related to cases applying to the court attorney, not authorized representatives, incapable persons and others. The author proposes to limit the prosecutor's right to appeal in court to protect the interests of others, to free procedural plaintiffs from having to comply with the order of pre-trial settlement of cases, to clarify some of the existing and introduce new grounds for refusal to initiate a case (termination of the proceedings). The article contains a number of other proposals for improvement of the civil procedural law and practice of its implementation. Proposals for improving the legislation accompanied by specific editions of the new (modified) rules.

Key words: civil proceedings; institution of a civil proceedings; ground to refuse to initiate a civil case.

Образец цитирования:

Скобелев В. П. Основания к отказу в возбуждении гражданского дела: требуются изменения // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 1. С. 84–96.

For citation:

Skobelev V. P. Grounds for refusal to initiate civil case: changes are needed. *J. Belarus. State Univ. Law*. 2017. No. 1. P. 84–96 (in Russ.).

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir Skobelev, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil proceeding and labour law, faculty of law.
s_v_p@tut.by

Введение

Согласно ч. 1 ст. 60 Конституции Республики Беларусь каждому лицу предоставляется возможность получить защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. В сфере гражданского судопроизводства реализация данного конституционного правомочия обеспечивается целым комплексом гарантий: стадийностью рассмотрения дела, в том числе присутствием ряда проверочных стадий гражданского процесса, подробным регулированием вопросов доказывания и доказательств, установлением особых требований, предъявляемых к актам правосудия, предоставлением участникам судопроизводства широкого круга процессуальных прав, возложением на суд корреспондирующих им обязанностей и т. д.

Одна из важнейших гарантий права на судебную защиту, с которой заинтересованные лица

сталкиваются уже в самом начале (фактически еще до начала) процесса, имеет отношение к правовому регулированию оснований, по которым суд имеет право (и обязан) отказать в возбуждении гражданского дела. Именно данные основания очерчивают пределы, в которых возможна реализация права на судебную защиту, и основные условия, которым эта реализация должна отвечать. Анализ действующего законодательства и практики его применения свидетельствует о том, что названная гарантия требует дальнейшего совершенствования. Некоторые направления такого совершенствования были освещены нами ранее¹. Тем не менее количество и значимость проблем, связанных с основаниями к отказу в возбуждении гражданского дела, требуют обращения к данной тематике в очередной раз.

Основная часть

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2002 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» (далее – Закон № 171-З) в новой редакции изложена ч. 1 ст. 81 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), в результате чего из нее исключено указание на то, что обратиться в суд в интересах граждан и юридических лиц негосударственной формы собственности прокурор вправе только в том случае, если данные субъекты лишены возможности самостоятельно защитить свои интересы. Как следствие, Законом № 171-З из ст. 246 ГПК было исключено основание для отказа в возбуждении дела (и, соответственно, из ст. 165 ГПК – основание для оставления заявления без рассмотрения), имевшее следующую формулировку: «Заявление подано прокурором в интересах гражданина или юридического лица негосударственной формы собственности, не лишенных возможностей самостоятельно защищать свои интересы».

Данные изменения были осуществлены, вероятнее всего, в целях решения проблемы судебной защиты прокурорами их отклоненных или нерас-

смотренных общенадзорных протестов – протестов об отмене незаконных правовых актов, решений (действий) государственных органов, иных организаций и должностных лиц. Так, руководствуясь ч. 1 ст. 81 и п. 7 ст. 246 ГПК, суды не принимали к рассмотрению обращения прокуроров о защите их общенадзорных протестов², если сам протест изначально приносился в интересах субъекта, не лишенного возможности лично отстаивать свои интересы [1, с. 299–302].

Полагаем, однако, что существующее в настоящее время правовое регулирование вряд ли оправданно. Прежде всего, оно не отражает фактически сложившегося положения в данной сфере. Дело в том, что при решении вопроса об обращении в суд в чужих интересах прокуроры руководствуются приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 27 марта 2009 г. № 27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам». Данный же приказ ориентирует прокуроров на предъявление исков лишь в интересах Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, государственных организаций, а также граждан,

¹ См.: Скобелев В. П. О некоторых основаниях для отказа в возбуждении гражданского дела процессуальным истцом // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов V Междунар. науч. конф. (Минск, 23 мая 2014 г.) / редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 174–177; Скобелев В. П. Отказ в возбуждении гражданского дела: о совершенствовании правового регулирования и правоприменения // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2014. Вып. 9. С. 358–370; Скобелев В. П. О совершенствовании процессуальных норм, регламентирующих основания к отказу в возбуждении гражданского дела // Право.by. 2014. № 3. С. 35–41; Скобелев В. П. Третьейское разбирательство и отказ в возбуждении гражданского дела в государственном суде // Право.by. 2015. № 1. С. 48–54.

² Разумеется, в самом обращении формулировалось требование не о защите протеста, а об отмене (изменении) незаконного правового акта, решения или прекращении противоправного действия.

которые не могут самостоятельно защитить свои права. В связи с этим на практике прокуроры обращаются в суд только в указанных случаях, предъявление ими исков в защиту каких-либо иных субъектов расценивается как нарушение должностных обязанностей и даже как действия коррупционной направленности. Возникает вопрос: есть ли смысл декларировать на законодательном уровне фактически неограниченные возможности прокуроров по обращению в суды в интересах юридических лиц и граждан, если в реальности имеет место совсем иная практика?

Думается, что действующее регулирование является неверным и по существу. Прокуроры не должны иметь столь широких полномочий по защите прав физических лиц и организаций. Это связано с тем, что, во-первых, прокуроры в таком случае исполняют функции адвокатов для любых истцов (заявителей). Во-вторых, такой порядок способен породить лавину обращений в органы прокуратуры от граждан и организаций с просьбами о предъявлении в их интересах исков, а после, как представляется, неизбежных отказов прокуроров в удовлетворении таких просьб – вызвать вполне закономерное недовольство заявителей, ведь п. 4 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220-З) обязывает прокуроров всегда принимать меры прокурорского реагирования при установлении нарушений законодательства, при этом нормативные правовые акты не закрепляют оснований, по которым прокурор мог бы отказать лицу в применении таких мер (в частности, в виде предъявления иска¹), если факт правонарушения очевиден. В-третьих, подобное регулирование может спровоцировать коррупционные проявления как со стороны лиц, обращающихся в органы прокуратуры (поскольку в случае предъявления прокурором иска соответствующее лицо не только получает «бесплатного адвоката», но и фактически освобождается от несения любых судебных расходов), так и со стороны самих должностных лиц прокуратуры (соблазн получить «дополнительный доход» за столь несложные и, самое главное, вполне легальные с точки зрения законодательных актов действия может побороть чувство профессионального долга и ответственности).

Что же касается проблемы защиты прокурорами их общенадзорных протестов, то по этому поводу необходимо заметить следующее. При обращении прокурора в суд в такой ситуации предметом судеб-

ной защиты выступают не только права того лица, в чьих интересах был подан соответствующий протест, но и интересы государства, которое стремится к обеспечению строгого соблюдения законодательства в деятельности государственных органов, иных организаций и должностных лиц, на что неоднократно обращалось внимание в отечественной юридической литературе [2, с. 52; 3, с. 57]. Кроме того, присутствие в указанном деле государственного интереса обусловлено и другим обстоятельством – фактом нерассмотрения или отклонения протеста прокурора. Подобные действия препятствуют осуществлению прокуратурой ее непосредственных функций и умаляют ее значение в системе органов государства. В связи с этим интерес государства в рассматриваемом деле заключается еще и в том, чтобы восстановить статус прокуратуры как государственного органа, осуществляющего высший надзор за законностью. С учетом же того, что прокуратура имеет безусловное право на отстаивание в судебном порядке государственных интересов [4, с. 252], защита общенадзорных протестов, на наш взгляд, вполне может осуществляться в условиях того правового режима, который существовал до внесения в ГПК изменений Законом № 171-З.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в процессуальное законодательство необходимо вернуть норму п. 7 ст. 246 ГПК (п. 5 ч. 1 ст. 165 ГПК), а также внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 81 ГПК, т. е. привести правовое регулирование вопроса к тому виду, который оно имело до вступления в силу Закона № 171-З, правда, с одним небольшим исключением: такое условие предъявления прокурором иска в чужих интересах, как невозможность лица самостоятельно осуществлять их защиту, следует распространить и на юридические лица государственной формы собственности. Иной подход к решению данной проблемы, уже длительное время присутствующий в ГПК, в том числе и до принятия Закона № 171-З, противоречит нормам ч. 2 ст. 13 Конституции Республики Беларусь о равенстве всех форм собственности, нарушает принцип равенства сторон процесса, ведет к перегруженности органов прокуратуры той работой, которую могли бы выполнять юрисконсульты соответствующих государственных организаций [4, с. 252].

Законом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 285-З «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» процессуальный регламент был дополнен нормой о том, что

¹ Правда, стоит заметить, что абзац 7 п. 4 ст. 27 Закона № 220-З обязывает прокурора обращаться в суд с заявлениями (исками) только «в случаях, предусмотренных законодательными актами». Тем не менее, поскольку ГПК, предоставляющий прокурорам фактически неограниченные полномочия по предъявлению исков (ч. 1 ст. 81), относится к законодательным актам, содержащаяся в абзаце 7 п. 4 ст. 27 Закона № 220-З ограничительная оговорка применительно к гражданскому судопроизводству утрачивает всякий смысл. В ч. 3 ст. 6 ГПК также идет речь о предъявлении прокурором иска в чужих интересах «в предусмотренных законом случаях», но редакция ч. 1 ст. 81 ГПК снимает всякие вопросы относительно значения данной оговорки.

заявление о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь может быть подано в суд Генеральным прокурором Республики Беларусь, прокурорами областей, г. Минска и приравненными к ним прокурорами лишь с согласия самого Главы государства (ч. 3 ст. 81 ГПК). Несмотря на то что это был самый первый закон о внесении в ГПК изменений, последствия предъявления указанного иска без согласия Президента Республики Беларусь не урегулированы вплоть до настоящего времени. При этом, на наш взгляд, актуальности вопроса не умаляет то обстоятельство, что подобные дела в судебной практике последних лет фактически отсутствуют; решение данной проблемы необходимо в первую очередь для обеспечения последовательного и системного регулирования всего комплекса общественных отношений, которые могут (пусть и нечасто) возникать в сфере гражданского судопроизводства.

Полагаем, что указанный пробел в праве должен быть преодолен путем дополнения ст. 246 ГПК соответствующим основанием для отказа в возбуждении дела (ст. 165 ГПК – аналогичным основанием для оставления заявления без рассмотрения), а до этого момента выходом из положения может служить применение к описанной ситуации в порядке аналогии процессуального закона нормы п. 6 ст. 246 ГПК (на более поздних, нежели возбуждение дела, стадиях процесса – нормы п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК). Правда, обозначенная проблема порождает еще один вопрос: почему согласие заинтересованного лица на предъявление прокурором иска требуется лишь по единственной категории дел и является излишним во всех остальных случаях? Не нарушает ли такое положение вещей принцип диспозитивности гражданского процессуального права (ст. 18 ГПК)?

Следует отметить, что определенные гарантии соблюдения принципа диспозитивности при предъявлении прокурорами исков в чужих интересах все-таки имеются. Так, сотрудники органов прокуратуры обычно не проявляют собственной инициативы по предъявлению исков в чужих интересах (особенно когда речь идет о защите прав физических лиц). Обращение прокурора в суд, как правило, происходит вследствие просьбы организации или гражданина. Кроме того, в любом случае предъявлению прокурором иска всегда предшествует (по крайней мере, должна предшествовать) проверка обстоятельств, являющихся основанием соответствующих исковых требований, в ходе которой заинтересованное лицо, скорее всего, будет поставлено в известность о процессуальных намере-

ниях прокурора. Наконец, ч. 1 ст. 82 ГПК закрепляет правило, в соответствии с которым до подачи в суд заявления прокурор обязан выслать лицам, в чьих интересах произойдет обращение в суд, копию этого заявления, а при необходимости – и копии приложенных к нему документов.

Тем не менее указанных гарантий соблюдения принципа диспозитивности, на наш взгляд, недостаточно, особенно если учесть тот факт, что они в большей степени имеют фактический, а не юридический характер и не позволяют суду при решении вопроса о возбуждении дела каким-либо образом принять во внимание наличие либо отсутствие заинтересованности самого потерпевшего лица в судебной защите нарушенных прав. Нельзя забывать также и о том, что прокурор, предъявляющий иск (наравне с субъектами, указанными в статьях 85–87 ГПК), относится к тем участникам судопроизводства, которых в научной литературе называют процессуальными истцами [5, с. 103–104, 106; 6, с. 62; 7, с. 62]¹. Условия обращения в суд для всех процессуальных истцов в принципиальных чертах, очевидно, должны быть одинаковы. Следовательно, если ч. 1 ст. 88 ГПК позволяет перечисленным в статьях 85–87 ГПК субъектам подавать в суд заявления в интересах других лиц лишь по просьбе или с согласия последних² (а правильность такого подхода у нас сомнений не вызывает), то вполне логично, что такие требования можно и необходимо предъявлять также и к акту обращения в суд прокурора. Неслучайно в связи с этим в научной доктрине отмечается, что обращение прокурора в суд должно происходить лишь с согласия заинтересованных субъектов [7, с. 37, 56, 71; 8, с. 28–29]. Подобным образом данный вопрос урегулирован и в ч. 2 ст. 66 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). В свете сказанного полагаем, что ст. 246 ГПК и ст. 165 ГПК необходимо дополнить в отношении прокурора нормой, аналогичной п. 6 ст. 246 ГПК и п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК соответственно, или включить в текст п. 6 ст. 246 ГПК и п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК прямое упоминание о прокуроре. Кроме того, условие предъявления прокурором иска в чужих интересах следует оговорить в ст. 82 ГПК.

Ряд проблем имеет отношение к содержанию и применению п. 2 ст. 246 ГПК. Данная норма (равно как и аналогичный ей п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК) упоминает только о предварительном внесудебном порядке разрешения дела, т. е. о тех случаях, когда конфликт подлежит ликвидации властным волеизъявлением внесудебного органа (должностного

¹ Примечательно, что процессуальным истцом прокурор назван даже на нормативном уровне – см. ч. 1 п. 20 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве» (то обстоятельство, что данный акт посвящен хозяйственному процессу, в данном случае значения не имеет).

² Исключение составляют только иски в защиту несовершеннолетних и недееспособных лиц, предъявление которых допустимо независимо от просьбы или согласия этих граждан (ч. 2 ст. 88 ГПК).

лица), при этом упускается из виду существование предварительного внесудебного порядка урегулирования дела – ситуации, рассчитанной на прекращение спора усилиями самих участвующих в нем субъектов (переговоры, предъявление претензии и т. п.). Очевидно, по этой причине положения п. 2 ст. 246 ГПК (равно как и п. 1 ч. 1 ст. 165) толкуются в процессуальной доктрине расширительно и распространяются не только на внесудебный порядок разрешения споров, но и на внесудебный порядок их урегулирования [9, с. 509–512; 10, с. 30–31; 11, с. 244–245, 352–354]. Однако правильнее было бы дополнить непосредственно сам текст названных норм, а также ч. 5 ст. 6 ГПК указанием на внесудебный порядок урегулирования конфликтов.

Кроме того, в п. 2 ст. 246 ГПК подразумевается только тот внесудебный порядок, который предусмотрен нормативными правовыми актами. На это указывает использованный в данной норме оборот «установленный порядок». Такой вывод подтверждает и содержание ч. 5 ст. 6 и п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК, где прямо говорится о том, что источником закрепления досудебного порядка являться соответственно «законодательные акты» и «акты законодательства»¹. Тем не менее нельзя не учитывать тот факт, что нередко стороны договора (особенно когда одной или обеими его сторонами являются юридические лица) по собственной инициативе оговаривают в нем определенный порядок урегулирования возможных конфликтов – проведение переговоров, предъявление претензии и т. п. Если бы необходимость соблюдения подобного порядка была обеспечена угрозой применения предусмотренных ст. 246 ГПК (ст. 165 ГПК) неблагоприятных последствий, то это могло бы значительно снизить нагрузку на суды, так как определенная часть юридических конфликтов, была бы ликвидирована без помощи судов самими сторонами в ходе согласованных ими в договоре процедур урегулирования споров [12, с. 405].

Редакция п. 2 ст. 246 ГПК не учитывает также те ситуации, когда обязательный предварительный внесудебный порядок разрешения (урегулирования) дела не может быть соблюден ввиду объективных причин, т. е. причин, не зависящих от поведения обратившегося в суд лица. Например, комиссия по трудовым спорам неправомерно отказалась принять к производству подведомственное ей дело или, приняв его к рассмотрению, не

вынесла по нему решение; у органа (должностного лица), чьи действия лицо желает обжаловать, отсутствует вышестоящий орган (должностное лицо) и т. п. В подобных случаях, очевидно, нельзя требовать от лица соблюдения соответствующего досудебного порядка, и его заявление может быть непосредственно подано в суд. В связи с этим полезно вспомнить, что п. 1 ст. 215 Гражданского процессуального кодекса БССР 1964 г. предписывал суду оставлять заявление без рассмотрения по причине несоблюдения предварительного внесудебного порядка только тогда, когда «возможность применения этого порядка не утрачена»². Аналогичной оговоркой было бы целесообразно дополнить и п. 2 ст. 246 ГПК (п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК).

Достаточно сложным является вопрос о том, подлежит ли применению п. 2 ст. 246 ГПК (а равно и п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК) в отношении обращающихся в суд процессуальных истцов – прокурора и субъектов, названных в ст. 85–87 ГПК, или, другими словами, должны ли процессуальные истцы соблюдать предварительный внесудебный порядок разрешения (урегулирования) дела. С одной стороны, п. 2 ст. 246 ГПК упоминает только об истце, которым при обращении в суд прокурора и указанных в ст. 85–87 ГПК субъектов является лицо, в чьих интересах заявлен иск (см. ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 82, ч. 1 ст. 88 ГПК). О заинтересованном лице, под которым, как следует из общего контекста ст. 6 ГПК, нужно опять же понимать только истца, речь идет и в ч. 5 ст. 6, п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК. Таким образом, на первый взгляд, соблюдение досудебного порядка для процессуальных истцов необходимым не является. С другой стороны, в ГПК отсутствует прямое указание на то, что процессуальные истцы не должны соблюдать досудебный порядок. Очевидно, на этом основании отдельные авторы делают вывод о том, что досудебный порядок для прокурора и лиц, названных в ст. 85–87 ГПК, обязателен [1, с. 302; 11, с. 354]. Более того, в действующем законодательстве присутствуют нормы, из которых можно сделать вывод о том, что, например, прокурору по отдельным категориям дел досудебный порядок соблюдать нужно (см. п. 7, 8 ст. 39 Закона № 220-3, ч. 1 ст. 479 ГПК). Полагаем, что законодатель должен внести определенность в регулирование обозначенного вопроса, учитывая при этом, что необходимость соблюдения процессуальными истцами досудебного порядка в литературе оцени-

¹ Безусловно, подобный разнобой в терминологии – «законодательные акты» (ч. 5 ст. 6 ГПК), «акты законодательства» (п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК) – следует устранить. Предпочтительно это сделать с помощью термина «акты законодательства», так как досудебный порядок, на наш взгляд, может устанавливаться нормативными правовыми актами любого уровня.

² Рассуждая от противного, можно предположить, что, если возможность применения данного порядка утрачена, дело должно рассматриваться по существу. Однако Гражданский процессуальный кодекс БССР 1964 г. содержал совершенно неожиданное регулирование данной ситуации: п. 2 ч. 1 ст. 214 предписывал в таком случае прекращать производство по делу, что никак нельзя признать правильным решением проблемы.

вается в целом отрицательно [1, с. 302; 7, с. 70–71]. Данные участники судопроизводства, по нашему мнению, должны быть освобождены от исполнения соответствующей обязанности. О правильности такого подхода свидетельствует и то обстоятельство, что он получил реализацию в хозяйственном судопроизводстве (см. ч. 4 ст. 6 ХПК).

Согласно п. 4 ст. 246 ГПК препятствием для возбуждения гражданского дела является подача искового заявления в суд лишь недееспособным лицом, т. е. лицом, не обладающим дееспособностью в силу недостижения им 14-летнего возраста либо ввиду признания его недееспособным по решению суда. Между тем, как видно из содержания ч. 2 ст. 59 ГПК, не имеют полной процессуальной дееспособности, а значит, по общему правилу не могут самостоятельно обращаться в суд также несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет¹ и лица, ограниченные судом в дееспособности². Кроме того, из содержания п. 4 ст. 246 ГПК не совсем понятно, о какой недееспособности в нем идет речь – о недееспособности в области материального или процессуального права. Безусловно, эти два вида дееспособности тесно между собой связаны в том плане, что отсутствие дееспособности в материальном праве оказывает определяющее влияние на возможность лица обладать дееспособностью в процессуальном праве. Тем не менее мы полагаем, что в нормативном правовом акте, регулирующем процессуальные отношения, решение соответствующих вопросов должно осуществляться все-таки через призму наличия (отсутствия) именно процессуальной дееспособности. В связи с этим можно было бы предложить следующую новую редакцию п. 4 ст. 246 ГПК: «...заявление подано лицом, не обладающим полной гражданской процессуальной дееспособностью, кроме случаев, предусмотренных ст. 59 настоящего Кодекса». В такой же редакции целесообразно изложить и п. 2 ч. 1 ст. 165 ГПК.

Пункт 5 ст. 246 ГПК предусматривает основание для отказа в возбуждении дела, сформулированное следующим образом: «...исковое заявление от имени заинтересованного лица подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание или предъявление». Как видим, законодатель четко разграничивает такие полномочия, как право на подписание искового заявления и право на его

предъявление. Аналогичное размежевание данных полномочий присутствует также в п. 3 ч. 1 ст. 165 и ч. 2 ст. 79 ГПК, правда, в последней из названных норм такое размежевание появилось лишь благодаря Закону Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 77-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь», который к уже имевшемуся в ч. 2 ст. 79 ГПК полномочию на предъявление иска добавил указание относительно права представителя на подписание искового заявления. Согласно перечисленным нормам суть такого действия, как предъявление искового заявления, заключается в обеспечении фактической доставки искового заявления в суд. Следовательно, судья должен отказать в возбуждении дела на основании п. 5 ст. 246 ГПК, если право на совершение указанного действия отсутствует у представителя, правомерно (т. е. в рамках имеющихся полномочий) подписавшего исковое заявление и представившего его в суд, либо у лица, доставившего исковое заявление в суд вместо подписавшего его субъекта (т. е. вместо истца или его представителя). Вряд ли, однако, с таким подходом можно согласиться.

Ситуация, при которой представляемое лицо наделяло бы представителя полномочием на подписание искового заявления и одновременно отрицало бы его право на фактическую доставку (отправление) искового заявления в суд, маловероятна. По нашему глубокому убеждению, право на подписание искового заявления охватывает весь комплекс действий представителя, связанных с возбуждением гражданского дела, а именно: принятие решения о необходимости предъявления иска, подготовка самого текста искового заявления, подписание искового заявления и, безусловно, его фактическое представление в суд. Если рассуждать иначе, то в качестве отдельного специального полномочия представителя тогда следует рассматривать не только право на доставку искового заявления в суд, но и, например, право представителя на подготовку текста искового заявления.

По этому поводу нам могут возразить, что отнесение права на доставку искового заявления в суд к специальным полномочиям представителя продиктовано соображением предотвращения бесконтрольного – без учета воли представляемого лица – предъявления представителем подготовлен-

¹ Возможность обращения несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в суд не исключается. Данный вопрос достаточно полно и понятно был регламентирован ч. 3 ст. 59 ГПК. Однако изменения, внесенные в ст. 59 ГПК Законом от 4 января 2012 г. № 337-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь», привели к появлению между 2-й и 3-й частями данной статьи непримиримого противоречия, существенно затрудняющего понимание соответствующего вопроса. Подробнее об этом: *Скобелев В. П.* Проблемные вопросы правовой регламентации гражданской процессуальной дееспособности // *Право и демократия* : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2013. Вып. 24. С. 227–230.

² Хотя в ч. 2 ст. 59 ГПК об этом прямо не сказано, однако лица, ограниченные судом в дееспособности, должны иметь право на обращение в суд по делам, возникающим из правоотношений, на которые ограничение дееспособности не распространяется. Об этом см. [6, с. 26; 11, с. 103, 245].

ного им искового заявления в суд. На это хотелось бы заметить следующее. Во-первых, вряд ли можно ожидать, что представитель, имеющий по общему правилу экономический интерес (получение гонорара) в надлежащем исполнении своих полномочий, подготовив исковое заявление, не оговорил с доверителем тактику своего дальнейшего поведения. Во-вторых, отнесение права на доставку в суд искового заявления к специальным полномочиям представителя само по себе еще не является гарантией того, что абсолютно во всех случаях такие действия представителя будут согласованы с представляемым лицом. В-третьих, действующее законодательство не обязывает достоверно выяснять и фиксировать тот факт, что исковое заявление сдано на почту или доставлено в суд определенным лицом¹, в связи с чем относить к специальным полномочиям представителя те права, надлежащее (ненадлежащее) осуществление которых составу суда практически невозможно проконтролировать и установить, вряд ли целесообразно. В-четвертых, представителю, в доверенности которого оговорено право на предъявление искового заявления, не всегда бывает удобно (в частности, ввиду занятости или иных причин) сделать это самому. В связи с этим мы не видим ничего предосудительного в том, что представитель может попросить отправить исковое заявление по почте или непосредственно доставить его в суд другое лицо (например, адвокат – своего помощника, юрисконсульт юридического лица – курьера этой организации и т. п.). Такие действия не только не причинят какого-либо вреда интересам представляемого лица, а наоборот, обеспечат более оперативную их защиту.

Что же касается второго случая, когда вместо подписанта исковое заявление доставляет другой субъект, то сложно признать разумной ситуацию, когда заинтересованное лицо (истец), имея собственноручно подписанное исковое заявление и иные необходимые для возбуждения дела материалы, не могло бы попросить обеспечить их доставку в суд иного гражданина иначе, чем через оформление с ним отношений по представительству. Для чего здесь необходимо представительство? Первостепенное значение для возникновения процесса имеет выраженное в исковом заявлении волеизъявление истца, именно оно является основанием для возбуждения дела, лицо же, осуществляющее фактическую доставку заявления в суд, по существу выполняет функцию почтальона, курьера. Если требовать от этого лица наличия у него полномочий представителя, то, развивая такую логическую цепочку далее, можно прийти к нелепому выводу о том, что полномочия представителя должен

иметь и оператор почтовой связи, перемещающий искимые материалы от истца в суд.

Об отсутствии необходимости в анализируемом случае отношений представительства говорит также то, что оператор почтовой связи не проверяет, в каком качестве действует обратившееся к нему лицо, желающее отослать исковое заявление. Данное обстоятельство не должно проверяться и в суде, в том числе тогда, когда искимые материалы подаются в ходе практикуемого в судах неэкономической юрисдикции (ранее – общие суды) личного приема заявителей. Личный прием – это процедура, которая не предусмотрена процессуальным регламентом, в ходе нее не могут приниматься такие юридические значимые решения, как отказ в возбуждении дела или оставление искового заявления без движения. Принятие подобных решений входит в компетенцию судьи, который должен руководствоваться при этом лишь имеющимися в его распоряжении искимыми материалами. Из них однозначный и достоверный вывод можно сделать только о том, кем и в каком качестве исковое заявление подписано, а не посредством какого лица оно фактически было доставлено в суд. При этом, на наш взгляд, сведения об отправителе, содержащиеся на почтовом конверте, не должны приниматься судом во внимание и не могут служить поводом для отказа в возбуждении дела по п. 5 ст. 246 ГПК при несовпадении их со сведениями о лице, подписавшем исковое заявление, и отсутствии в искимых материалах доверенности на имя отправителя. Данные об отправителе на почтовом конверте имеют значение только для оператора почтовой связи (в частности, для возврата корреспонденции, доставка которой не была осуществлена). Суд же обязан решать вопрос о возбуждении гражданского дела только на основании материалов, содержащихся внутри соответствующего почтового отправления.

Можно предположить, что существующее регулирование рассчитано на то, чтобы предупредить предъявление в суд готовых искимых материалов посторонними лицами в обход воли истца. Отметим, однако, что подобные ситуации скорее недуманны, чем возможны, так как вряд ли кто-то, руководствуясь благими намерениями, станет проявлять такое рвение по защите чужих прав или, если речь идет о желании нанести вред, будет делать это способом, в конечном счете приводящим к обратному результату. Но даже если это и произойдет, весьма проблематично будет доказать, что искимые материалы представлялись в суд вопреки воле истца и не им самим. Наконец, если искимые материалы были подготовлены истцом настолько полно и тщательно (уплачена государственная пошлина,

¹ Присутствие на почтовом отправлении имени отправителя еще не означает, что данное отправление было доставлено на почту именно указанным лицом.

сделаны необходимые копии и т. д.), что доставка их в суд посторонними лицами привела к возбуждению производства по делу, то заинтересованность истца в судебной защите своих прав была весьма высока, и возникновение судебного спора помимо воли истца не так уж и противоречит его интересам.

Таким образом, присутствие в п. 5 ст. 246 ГПК, а также в п. 3 ч. 1 ст. 165 и ч. 2 ст. 79 ГПК указания о необходимости наличия у подателя искового заявления полномочий на его предъявление не несет для заинтересованного лица каких-то дополнительных процессуальных гарантий и скорее только затрудняет, усложняет защиту его прав и охраняемых законом интересов. Создает это также и излишнюю работу для сотрудников судов неэкономической компетенции, поскольку они всякий раз требуют от адвокатов, подающих иски, заявления, предъявления доверенности, строго соответствующей требованиям п. 5 ст. 246 ГПК, хотя вопрос о возбуждении дела решается не в этот момент, и не сотрудниками, принимающими документы, а судьей после того как поступившие материалы будут зарегистрированы канцелярией и расписаны на судью председателем суда. По нашему мнению, наличие у представителя полномочия на подписание искового заявления уже по своей сути подразумевает его право и на доставку этого заявления в суд, точно так же, как, например, предусмотренное ч. 2 ст. 79 ГПК полномочие на «обжалование судебного постановления» включает в себя право на подписание кассационной жалобы и право на предъявление ее в суд. Кстати, аналогичные нормы хозяйственного процессуального права упоминают только о праве на «подписание искового заявления» (абзац 2 ч. 1 ст. 79, абзац 4 ст. 151, абзац 6 ч. 1 ст. 160 ХПК). Если вести речь о тех случаях, когда доставка (направление по почте) заявлений в суд осуществляется иными лицами, нежели теми, которые их подписали, то, как нам думается, для выполнения подобных функций оформления отношений по представительству не требуется. В отношении же сотрудников аппаратов судов необходимо заметить следующее: по поступающим (в том числе путем личной подачи) исковым материалам они могут выполнять только действия технического характера (регистрационные и т. п.) и не вправе анализировать их по существу, в том числе проверять полномочия у подателя, так как принятие юридически значимых решений по исковым материалам относится к исключительной компетенции судей.

Некоторые вопросы вызывает содержание п. 6 ст. 246 ГПК и аналогичного ему п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК. Согласно данным нормам отсутствие согласия дееспособного гражданина препятствует рассмотрению искового заявления, поданного в его интересах процессуальным истцом (ст. 85–87 ГПК), независимо от возраста этого гражданина, т. е. от-

сутствие согласия является препятствием для рассмотрения иска, даже если дееспособный гражданин является несовершеннолетним. Между тем ч. 2 ст. 88 ГПК позволяет процессуальным истцам предъявлять иски в защиту несовершеннолетних лиц без их просьбы или согласия абсолютно во всех случаях, в том числе и тогда, когда несовершеннолетний приобрел полную дееспособность по соответствующим основаниям до достижения 18-летнего возраста. Представляется, что данное противоречие нужно устранить, причем в пользу предписаний п. 6 ст. 246 ГПК и п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК. Для этого ч. 2 ст. 88 ГПК после слова «несовершеннолетних» следует дополнить фразой «кроме приобретших полную дееспособность».

В соответствии с п. 6 ст. 246 ГПК (п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК) препятствием для рассмотрения иска процессуального истца является также отсутствие согласия юридического лица негосударственной формы собственности, в чьих интересах заявлен иск. Если рассуждать от противного, можно сделать вывод о том, что иски в интересах организаций государственной формы собственности могут предъявляться процессуальными истцами без получения соответствующего согласия. Но такое решение вопроса противоречит принципу диспозитивности (ст. 18 ГПК), тем более что в главе 11 ГПК аналогичной нормы нет. Нарушает оно и конституционное положение (ч. 2 ст. 13 Основного Закона Республики Беларусь) о равенстве всех форм собственности, так как ориентирует процессуальных истцов на занятие более активной позиции по защите интересов государственных организаций. Проблема может быть снята путем исключения из п. 6 ст. 246 ГПК и п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК слов «негосударственной формы собственности».

Вместе с тем, на наш взгляд, подлежит серьезно исследованию вопрос, насколько вообще целесообразно упоминание о юридических лицах в п. 6 ст. 246 ГПК (п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК). Дело в том, что те разновидности исковых требований, которые прямо названы в ст. 85–87 ГПК, предъявляются процессуальными истцами в интересах физических лиц (исключение в этом плане составляют лишь требования о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (п. 3-1 ст. 85 ГПК), – данные иски предъявляются в интересах государства, которое, однако, нельзя рассматривать в качестве конкретного юридического лица, о котором идет речь в п. 6 ст. 246, п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК). Остаются еще категории дел, которые могут быть прямо предусмотрены законодательными актами (п. 5 ст. 85, ст. 87 ГПК). Однако соответствующие законодательные акты, как правило, не указывают на возможность предъявления процессуальными истцами требований в защиту каких-либо

юридических лиц, обычно в них говорится о предъявлении исков теми или иными государственными органами (налоговыми, таможенными, местными исполнительными и распорядительными и т. д.) в целях решения стоящих перед ними задач, т. е. исков в защиту государственных или общественных интересов (отметим, что возможность предъявления процессуальными истцами таких неперсонифицированных требований – в защиту государственных или общественных интересов – следовало бы прямо отразить в содержании главы 11 ГПК, поскольку в настоящее время из ее текста вытекает, что заявляемое процессуальным истцом притязание непременно должно иметь конкретного выгодоприобретателя – физическое или юридическое лицо).

Тем не менее в законодательстве можно встретить нормы, которые, на первый взгляд, имеют отношение к искомой ситуации – предъявлению процессуальными истцами исков в защиту определенных организаций. Так, ч. 2 ст. 538 ГПК допускает взыскание ущерба, причиненного организации выплатой незаконно уволенному (переведенному) работнику денежных средств вследствие неисполнения должностным лицом этой организации судебного постановления о восстановлении указанного в порядке подчиненности юридического лица. Норма п. 4 ст. 56 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» предоставляет организации по коллективному управлению имущественными правами возможность обратиться в суд от своего имени для защиты интересов правообладателей (как известно, правообладателем может быть и юридическое лицо, а любые споры, связанные с интеллектуальной собственностью, подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства). В то же время нельзя однозначно утверждать, что в описанных случаях соответствующие субъекты действуют именно в качестве процессуальных истцов, а не представителей или даже истцов в материально-правовом смысле, и потому вопрос о целесообразности упоминания юридических лиц в п. 6 ст. 246 ГПК (п. 4 ч. 1 ст. 165 ГПК) остается открытым.

Обращают на себя внимание предписания п. 8 ст. 246 ГПК. Прежде всего вызывает удивление то, что данная норма помещена законодателем в разделе VI «Исковое производство в суде первой инстанции», ведь она регламентирует последствия обращения в суд с заявлением «о возбуждении дел, возникающих из административно-правовых отношений, и дел особого производства», следовательно, составляющие ее содержание правила должны находиться в главе 29 «Производство по

делам, возникающим из административно-правовых отношений» и главе 30 «Особое производство».

Норма п. 8 ст. 246 ГПК¹ определяет последствия выбора ненадлежащего вида производства для рассмотрения дела: обращения лица в суд в порядке производства по делам, возникающим из административных правоотношений, или в порядке особого производства вместо использования (ввиду наличия в деле спора о праве) исковой процессуальной формы. В то же время обратная ситуация, когда лицо подает исковое заявление вместо жалобы (глава 29 ГПК) или заявления (глава 30 ГПК), в п. 8 ст. 246 ГПК не урегулирована, хотя она вполне реальна. Например, бывают случаи, когда гражданин, желая добиться признания недействительным решения исполкома об отказе в постановке на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий, подает в суд именно исковое заявление, несмотря на то, что дело никак не связано со спором о праве (примечательно, что по мнению Верховного Суда Республики Беларусь в такой ситуации судье следовало оставить исковое заявление гражданина без движения и разъяснить ему право на подачу жалобы в порядке главы 29 ГПК) [13, с. 21]. В другом случае матерью был предъявлен иск об изменении фамилии дочери, хотя, как следует из фактуры казуса, более правильно было бы подавать жалобу на решение органа опеки и попечительства об отказе в изменении фамилии ребенка [14]. В литературе приводятся и другие примеры неверного использования заинтересованными лицами иска вместо жалобы [15, с. 40–41]. Нужно заметить, что иногда даже употребляемая в нормативных правовых актах терминология провоцирует неправильный выбор вида производства. Так, в ч. 1 ст. 41 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» говорится о том, что «решения, принятые в результате совершения правонарушений, создающих условия для коррупции, или коррупционных правонарушений, могут быть отменены <...> судом по иску (выделено нами. – В. С.) государственных органов, иных организаций или граждан Республики Беларусь». Вместе с тем очевидно, что надлежащим средством судебной защиты здесь должна выступать жалоба, а не иск. Кстати, весьма показательным, что во второй части этой же статьи законодатель говорит уже о судебном *обжаловании* соответствующих решений физическим или юридическим лицом. Исковое производство может ошибочно использоваться и вместо особого производства, например, если не осведомленное в вопросах права лицо формулирует и предъявляет требование, предусмотренное § 2 главы 30 ГПК, как иск об установлении факта, имеющего юридическое значение; требование, указанное

¹ Все изложенное далее в равной мере актуально и для аналогичного по содержанию п. 10 ч. 1 ст. 165 ГПК.

в § 4 главы 30 ГПК, – как иск о признании гражданина ограниченно дееспособным и т. д.

Вне сферы регулирования п. 8 ст. 246 ГПК осталась и другая проблемная ситуация, возникающая, когда лицо обращается в суд с заявлением в порядке главы 30 ГПК, в то время как ему необходимо подавать жалобу, и наоборот. Первый случай (использование заявления вместо жалобы) можно проиллюстрировать с помощью постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. № 1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» (далее – постановление № 1). В п. 6 постановления № 1 указано, что «не должно рассматриваться в порядке особого производства заявление об установлении факта родственных отношений в случае, когда такое требование заявляется в связи с ошибками, допущенными при регистрации акта гражданского состояния (не указано отчество родителей, искажены имя или фамилия родителей в записи акта о рождении детей и т. п.), так как исправление ошибок и внесение изменений и дополнений в записи актов гражданского состояния производятся органами, регистрирующими акты гражданского состояния. Отказ органа, регистрирующего акты гражданского состояния, в изменении, дополнении и исправлении записи акта гражданского состояния может быть обжалован в суд по месту жительства заявителя. Суд рассматривает заявление об установлении неправильности записи акта гражданского состояния не в порядке установления факта, имеющего юридическое значение, а по правилам ст. 348–350 ГПК». Следовательно, при наличии отказа органа, регистрирующего акты гражданского состояния, в изменении (дополнении, исправлении) актовой записи обращение в суд в порядке § 2 главы 30 ГПК для подтверждения родственных отношений будет ошибкой, так как дело должно рассматриваться по правилам § 4 главы 29 ГПК.

В п. 12 постановления № 1 содержится разъяснение аналогичного рода: «Заявление об установлении факта принятия наследства и места открытия наследства (ч. 1 ст. 364 ГПК) может быть рассмотрено судом в порядке особого производства, если нотариус или другие уполномоченные лица не вправе выдать заявителю свидетельство о праве на наследство по мотиву отсутствия или недостаточности соответствующих документов, необходимых для подтверждения в нотариальном порядке факта вступления во владение или управление наследственным имуществом. Если надлежащие документы представлены, но в выдаче свидетельства о праве на наследство отказано, заинтересованное лицо вправе обратиться в суд не с заявлением об установлении факта принятия наследства и места открытия наследства, а с жалобой на отказ в совершении нотариального действия (ст. 351, 352 ГПК)».

Таким образом, если нотариус, несмотря на наличие документов, подтверждающих вступление гражданина во владение или управление наследственным имуществом, отказал в выдаче свидетельства о праве на наследство, то надлежащим средством судебной защиты интересов лица заявление (§ 2 главы 30 ГПК) выступать не может, в суд необходимо подавать жалобу (§ 5 главы 29 ГПК).

Примером использования жалобы вместо заявления может служить ситуация, связанная с процедурой эмансипации. При отказе органа опеки и попечительства в объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным и наличии у последнего желания оспорить это решение в суде несовершеннолетним, не обладающим специальными правовыми познаниями, скорее всего будет подана в суд жалоба в соответствии с § 6 главы 29 ГПК. Между тем из ч. 2 ст. 377 ГПК следует, что при отказе органов опеки и попечительства объявить несовершеннолетнего полностью дееспособным в суд нужно предъявлять не жалобу, а заявление по правилам § 5 главы 30 ГПК.

Стоит отметить, что ошибки в выборе надлежащего процессуального порядка защиты интересов могут иметь место не только на уровне видов производств (данный момент редакция п. 8 ст. 246 ГПК также упускает из виду). Подобные ошибки могут заключаться в выборе неверной процедуры в рамках вида производства. Очевидно, они более характерны для особого производства и производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, поскольку каждый из этих видов производств включает в себя целый комплекс процедур, регламентирующих особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел. Например, лицо, желающее добиться признания определенного гражданина безвестно отсутствующим (§ 3 главы 30 ГПК), может сформулировать свое обращение в суд как требование об установлении факта, имеющего юридическое значение (§ 2 главы 30 ГПК); лицо, не согласное с вынесенным в отношении его предупреждением о возможности направления в лечебно-трудовой профилакторий, – подать жалобу в порядке § 6 главы 29 ГПК, а не по правилам § 6-2 главы 29 ГПК и т. д. Однако обозначенный вид ошибок может иметь место и в исковом производстве, хотя последнее четко и не дифференцируется на виды процедур в зависимости от категорий дел. Так, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» гласит, что в порядке ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь не могут опровергаться сведения, содержащиеся в официальных документах, для обжалования которых законом предусмотрен иной порядок. Руко-

водствуясь данным разъяснением, суды отказывают в принятии исковых заявлений об опровержении порочащих сведений, содержащихся в приказе об увольнении лица с работы по компрометирующим основаниям, полагая, что надлежащим средством судебной защиты здесь может быть только иск о восстановлении на работе [16, с. 12–15].

Наконец, ошибка в выборе процессуального порядка защиты интересов может заключаться в избрании лицом неверного вида правосудия¹, например, в предъявлении в порядке гражданского судопроизводства, т. е. как иска, требования о привлечении своего обидчика к административной или уголовной ответственности или требования, которое подлежит рассмотрению по правилам хозяйственного судопроизводства. Нужно отметить, что подобные ошибки могут иметь комплексный характер, т. е. являться ошибкой в выборе не только вида правосудия, но и вида производства. Именно такая ситуация складывается тогда, когда в рамках гражданского судопроизводства лицо предъявляет иск к организации, в отношении которой открыто конкурсное производство: лицо ошибается и относительно вида правосудия (дело имеет отношение в хозяйственному судопроизводству), и относительно вида производства (даже в хозяйственном процессе такое требование нужно заявлять не в исковом производстве, а в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) должника).

Последствия всех названных выше разновидностей ошибок в выборе процессуального порядка защиты интересов действующее законодательство практически не регламентирует. На этот счет в ГПК имеются только фрагментарные указания, причем касающиеся лишь отдельных ошибок в выборе вида производства: помимо п. 8 ст. 246 сюда следует отнести также п. 10 ч. 1 ст. 165, ч. 4 ст. 362, п. 1, 2, 4 ч. 2 ст. 396 ГПК. В связи с этим во всех остальных (не урегулированных законом) ситуациях, когда имеет место использование неверного процессуального

механизма, суды вынуждены прибегать к тем или иным суррогатам решения проблем, в частности, на стадии возбуждения дела отказывать в принятии заявления (чаще всего по п. 1 ст. 245 ГПК) или оставлять его без движения, а если ошибка обнаруживается на последующих стадиях процесса – как правило, прекращать по нему производство в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК. По нашему мнению, устранить обозначенный пробел в правовом регулировании можно путем изложения п. 8 ст. 246 и п. 10 ч. 1 ст. 165 ГПК в следующей редакции: «...заявление подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке» [17, с. 36; 18, с. 61]. Такая формулировка будет охватывать собой ошибки в выборе надлежащего процессуального порядка на уровне видов правосудия, на уровне видов производств в пределах одного вида правосудия, на уровне видов процедур, входящих в один вид производства.

Однако необходимо сделать одну оговорку. Предлагаемая нами норма (п. 8 ст. 246 ГПК) не должна применяться тогда, когда в порядке гражданского судопроизводства лицо предъявляет иск, в действительности подлежащий рассмотрению по правилам хозяйственного судопроизводства. В этом случае нужно отказывать в возбуждении дела в связи с неподсудностью (п. 1 ст. 246 ГПК), так как ошибка в выборе вида правосудия поглощается ошибкой в выборе типа суда (экономической либо неэкономической компетенции) [17, с. 36; 18, с. 61]. Однако если иск в порядке гражданского судопроизводства предъявлен к организации, в отношении которой открыто конкурсное производство (т. е. когда имеет место ошибка не только в выборе вида правосудия, но и в выборе вида производства), то отказывать в возбуждении дела следует не в связи с неподсудностью, а на основании предлагаемой нами нормы, поскольку исправление ошибки в выборе типа суда будет недостаточно для достижения искомого результата, требуется также исправление ошибки относительно выбора вида производства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что гражданское процессуальное законодательство и практику его применения необходимо усовершенствовать следующим образом:

- возвратить в ГПК нормы, которые полномочие прокурора по предъявлению иска в чужих интересах ставили в зависимость от наличия у соответствующего физического или юридического лица возможности самостоятельно защищать свои права;

- включить в ст. 82, 165, 246 ГПК положения, запрещающие прокурору предъявлять в чужих интересах иски без согласия или просьбы соответствующих граждан и организаций;

- п. 1 ч. 1 ст. 165, п. 2 ст. 246 ГПК изложить в следующей редакции: «...заинтересованным лицом не соблюден предусмотренный законодательством или договором порядок предварительного внесудебного разрешения (урегулирования) дела, кроме случа-

¹ Возможность подобного рода ошибок прямо признана российским процессуальным законодательством: п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает следующее основание для отказа в принятии искового заявления: «Заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке».

ев, когда возможность его соблюдения отсутствует». В ч. 5 ст. 6 ГПК после слова «разрешения» дополнить норму уточнением «урегулирования»; слова «предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь» заменить на «предусмотренных законодательством Республики Беларусь или договором»;

- дополнить ГПК нормами, которые бы прямо освобождали процессуальных истцов от обязанности соблюдения предварительного внесудебного порядка разрешения (урегулирования) дела;

- п. 2 ч. 1 ст. 165, п. 4 ст. 246 ГПК изложить в новой редакции: «...заявление подано лицом, не обладающим полной гражданской процессуальной дееспособностью, кроме случаев, предусмотренных ст. 59 настоящего Кодекса»;

- из ч. 2 ст. 79, п. 3 ч. 1 ст. 165, п. 5 ст. 246 ГПК исключить слова «предъявление иска», «предъявление»;

- ч. 2 ст. 88 ГПК после слова «несовершеннолетних» дополнить фразой: «...(кроме приобретших полную дееспособность)»;

- исключить из п. 4 ч. 1 ст. 165, п. 6 ст. 246 ГПК слова «негосударственной формы собственности»,

исследовать вопрос о целесообразности сохранения в данных нормах слов «юридического лица», дополнить главу 11 ГПК указанием на возможность соответствующих субъектов предъявлять требования в защиту государственных и общественных интересов;

- изложить п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246 ГПК в следующей новой редакции: «...заявление подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке»;

- норма предлагаемой нами новой редакции п. 8 ст. 246 ГПК не должна применяться тогда, когда в порядке гражданского судопроизводства лицо предъявляет иск, в действительности подлежащий рассмотрению по правилам хозяйственного судопроизводства. В этом случае нужно отказывать в возбуждении дела в связи с неподсудностью (п. 1 ст. 246 ГПК). Однако если иск в порядке гражданского судопроизводства предъявлен к субъекту, в отношении которого открыто конкурсное производство, то отказывать в возбуждении дела необходимо по п. 8 ст. 246 ГПК в той его редакции, которую мы отстаиваем.

Библиографические ссылки

1. *Сенько А. С.* Проблемы правовой регламентации общенадзорного протеста и сопутствующих ему прав прокурора // *Право и демократия* : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2003. Вып. 14. С. 293–306.
2. *Парамонов В.* Судебная защита протеста прокурора // *Судовы весн.* 1996. № 1. С. 51–52.
3. *Лутченко Ю.* В суде – протест прокурора // *Судовы весн.* 1997. № 2. С. 56–58.
4. *Скобелев В. П.* Проблемные вопросы участия прокурора в гражданском процессе // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции* : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]. Минск, 2015. С. 247–254.
5. *Щеглов В. Н.* Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1979.
6. *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004.
7. *Алиева И. Д.* Защита гражданских прав прокурором и иными уполномоченными органами. М., 2006.
8. *Каменков В. С.* Прокурор в гражданском и хозяйственном процессе – одна из гарантий защиты прав и законных интересов: сравнительный анализ. Минск, 2001.
9. *Гражданский процесс. Общая часть* / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2006.
10. *Гражданский процесс. Особенная часть* / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2007.
11. *Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь* / Л. И. Бакиновская [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой [и др.]. Минск, 2005.
12. *Скобелев В. П.* Досудебный порядок разрешения (урегулирования) гражданских дел и право на судебную защиту // *Право в современном белорусском обществе* : сб. науч. тр. / редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2015. Вып. 10. С. 404–415.
13. *Практика рассмотрения судами жалоб на ущемляющие права действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц* // *Судовы весн.* 2010. № 1. С. 20–29.
14. Не подлежат рассмотрению в суде требования об изменении фамилии несовершеннолетнего ребенка, так как этот вопрос относится к административным процедурам и является исключительной компетенцией органов опеки и попечительства [извлеч. из постановления президиума Минск. гор. суда] // *Судовы весн.* 2012. № 1. С. 54.
15. *Исаенкова О. В.* Иск в гражданском судопроизводстве / под ред. М. А. Вихута. Саратов, 1997.
16. *Романова О. Н.* Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах / науч. ред. Т. А. Белова. Минск, 2007.
17. *Скобелев В.* Правила подведомственности в современном цивилистическом процессе: функции и последствия нарушения // *Юстиция Беларуси.* 2015. № 10. С. 31–36.
18. *Скобелев В.* Как применять правила судебной подведомственности после реформы судостройства? // *Юрист.* 2015. № 11. С. 58–61.

References

1. Sen'ko A. S. Problemy pravovoi reglamentatsii obshchenadzornogo protesta i soputstvuyushchikh emu prav prokurora [Problems of legal regulation of the general supervisory protest and accompanying rights of prosecutor]. *Pravo i demokratiya* : sb. nauchn. tr. Ed. V. N. Bibilo, et al. Minsk, 2003. Vol. 14. P. 293–306 (in Russ.).
2. Paramonov V. Sudebnaya zashchita protesta prokurora [Judicial protection of prosecutor protest]. *Sudovy vesnik*. 1996. No. 1. P. 51–52 (in Russ.).
3. Lutchenko Y. V sude – protest prokurora [In a court – a prosecutor protest]. *Sudovy vesnik*. 1997. No. 2. P. 56–58 (in Russ.).
4. Skobelev V. P. Problemnye voprosy uchastiya prokurora v grazhdanskom protsesse [Problematic issues of the participation of prosecutor in civil proceedings]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii* : sb. nauchn. tr. Ed. V. M. Khomich, et al. Minsk, 2015. P. 247–254 (in Russ.).
5. Shcheglov V. N. Sub'ekty sudebnogo grazhdanskogo protsessa. Tomsk, 1979 (in Russ.).
6. Osokina G. L. Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'. Mosc., 2004 (in Russ.).
7. Alieva I. D. Zashchita grazhdanskikh prav prokurorom i inymi upolnomochennymi organami. Mosc., 2006 (in Russ.).
8. Kamenkov V. S. Prokuror v grazhdanskom i khozyaistvennom protsesse – odna iz garantii zashchity prav i zakonnykh interesov: sravnitel'nyi analiz. Minsk, 2001 (in Russ.).
9. Belova T. A., Verkhovodko I. I., Golovanov V. G., et al. Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'. Ed. by T. A. Belova [et al.]. 2nd ed. Minsk, 2006 (in Russ.).
10. Belova T. A., Verkhovodko I. I., Golovanov V. G., et al. Grazhdanskii protsess. Osobennaya chast'. Ed. by T. A. Belova [et al.]. 2nd ed. Minsk, 2007 (in Russ.).
11. Bakinovskaya L. I., Belova T. A., Bobkov N. N., et al. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdanskomu protses-sual'nomu kodeksu Respubliki Belarus'. Ed. by T. A. Belova [et al.]. Minsk, 2005 (in Russ.).
12. Skobelev V. P. Dosudebnyi poryadok razresheniya (uregulirovaniya) grazhdanskikh del i pravo na sudebnuyu zashchitu [Pre-trial procedure for resolution (settlement) of civil affairs and the right to judicial protection]. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve* : sb. nauchn. tr. Ed. by V. I. Semenov, et al. Minsk, 2015. Vol. 10. P. 404–415 (in Russ.).
13. Praktika rassmotreniya sudami zhalob na ushchemlyayushchie prava deistviya (bezdeistvie) gosudarstvennykh organov, inykh organizatsii i dolzhnostnykh lits. *Sudovy vesnik*. 2010. No. 1. P. 20–29 (in Russ.).
14. Ne podlezhazh rassmotreniyu v sude trebovaniya ob izmenenii familii nesovershennoletnego rebenka, tak kak etot vo-pros odnositsya k administrativnym protseduram i yavlyetsya isklyuchitel'noi kompetentsiei organov opeki i popechitel'st-va [izvlechenie iz postanovleniya prezidiuma Minsk. gor. suda]. *Sudovy vesnik*. 2012. No. 1. P. 54 (in Russ.).
15. Isaenkova O. V. Isk v grazhdanskom sudoproizvodstve. Ed. by M. A. Vikut. Saratov, 1997 (in Russ.).
16. Romanova O. N. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii v obshchikh i khozyaistvennykh sudakh. Ed. by T. A. Belova. Minsk, 2007 (in Russ.).
17. Skobelev V. Pravila podvedomstvennosti v sovremennom tsivilisticheskom protsesse: funktsii i posledstviya narusheniya [The rules of jurisdiction in the modern civil procedure: the function and consequences of violations]. *Yustitsiya Belarusi*. 2015. No. 10. P. 31–36 (in Russ.).
18. Skobelev V. Kak primenyat' pravila sudebnoi podvedomstvennosti posle reformy sudoustroistva? [How to apply the rules of the judicial jurisdiction after the judicial system reform?]. *Yurist*. 2015. No. 11. P. 58–61 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 30.08.2016.
Received by editorial board 30.08.2016.